

УДК 008+82.091

ББК 71.1+83.3(2Рос=Рус)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. О. А. Крашенинникова

г. Москва, Россия

**РАДЫШЕВСКИЙ И АВРАМОВ:
К ИСТОРИИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ОППОЗИЦИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.**

Статья выполнена в рамках работы над проектом «Литературное наследие
М. Радышевского: исследования и тексты» № 17-04-50044
при финансовой поддержке РФФИ

Аннотация: Зарождение консервативного направления в русской общественной жизни восходит, по мнению автора статьи, уже к первой четверти XVIII в., к эпохе раннего российского Просвещения, периоду петровских реформ, а также к последующему десятилетию после правления Петра I. Однако до сих пор представители русской духовной оппозиции первой половины XVIII в.: С. Яворский, Ф. Лопатинский, М. Радышевский, М. Аврамов — не рассматривались в нашей исторической науке как целостная партия. Со второй половины 1720-х гг. нарастает обличительный пафос церковного публициста и оппозиционера архим. М. Радышевского († 1742), нацеленный не только на разоблачение архиепископа Новгородского Феофана Прокоповича, но и на резкую критику всей проводимой Синодом церковной политики. Сходную эволюцию претерпел и друг Радышевского М. П. Аврамов (1681–1752), в прошлом соратник Петра I, первый директор Санкт-Петербургской типографии, один из образованнейших людей петровского времени. Духовная эволюция Аврамова от деятеля науки и просвещения к церковному консерватору-традиционалисту была отражена в написанной им около 1744 г. автобиографии. В этом повествовании тесно переплелись реалистическая традиция достоверной передачи исторических фактов и средневековая традиция чудесного, характерная для житийной литературы. Литературная автобиография героя была построена по канонам житийного жанра. Автобиография Аврамова со всей очевидностью показывала двойственность и неоднозначность человека петровского времени, когда зачастую под маской деятеля Просвещения, европейски образованного человека скрывался глубокий консерватор, ревнитель православного благочестия.

Ключевые слова: М. Радышевский, М. Аврамов, духовные писатели и публицисты XVIII в., русский консерватизм XVIII в., церковная оппозиция петровским реформам, автобиография, литературная исповедь.

Информация об авторе: Ольга Александровна Крашенинникова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи: 11.09.2018

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Крашенинникова О. А. Радышевский и Аврамов: к истории русской духовной оппозиции первой половины XVIII в. // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 34–47.

В современной исторической науке последних десятилетий возрос интерес к исследованию консервативных направлений в русской общественной мысли. Систематическое изучение консерватизма как общественно-политического течения было предпринято в конце 1990-х – начале 2000-х гг. коллективом ведущих ученых Института российской истории РАН под руководством В. Я. Гросула [2; 13], затем в 2011–2015 гг. коллективом историков Воронежского университета под руководством А. Ю. Минакова [10; 1]. Большинство отечественных историков российского консерватизма: В. Я. Гросул, В. Ф. Мамонов [9], А. Ю. Минаков и др. — связывают зарождение консервативной идеологии в России с кризисом политики просвещенного абсолютизма в 60–70-е гг. XVIII в., в период правления Екатерины Великой, а расцвет — с рубежом XVIII–XIX вв. – первой четвертью XIX в. В 60–70-х гг. XVIII в. вождь консервативной партии дворянства князь М. Щербатов первый высказался о пагубности исторического сближения России с Западом, о нарушенной в результате петровских реформ самобытности русского народа и российской государственности, призвал русское общество к возвращению на свой естественный путь развития. Схожие идеи были высказаны позднее Н. М. Карамзиным в его знаменитой «Записке о древней и новой России».

Однако о пагубности петровских реформ и недопустимости разрыва с национальными традициями впервые заговорили уже современники Петра I. Вот почему, по нашему мнению, зарождение консервативного направления в русской общественной жизни не может быть ограничено второй половиной XVIII в., но восходит уже к первой четверти XVIII в., к эпохе раннего российского Просвещения, периоду петровских реформ, а также к последующему десятилетию после правления Петра I. Партия русских консерваторов, протестовавших против отмены патриаршества, учреждения Священного Синода и проведения церковных реформ в соответствии с принятым ранее Духовным Регламентом, была достаточно многочисленной. Ее представители — такие, как митрополит Стефан Яворский, И. Т. Посошков, архиепископ Феофилакт Лопатинский, архимандрит Маркелл Радышевский, близкий к церковным кругам М. П. Аврамов, а позднее, в эпоху Елизаветы и Екатерины II — и митрополит Арсений Мацеевич — не смогли принять происходившие в обществе перемены, негативно восприняли многие стороны западного просвещения, а также церковную реформу Петра, ощущали разрушительное воздействие этих новшеств на православное сознание и традиционные русские ценности. Однако до сих пор эта группа церковных оппозиционеров не изучена в нашей исторической науке как целостная партия: никем не сформулированы основные положения ее программы, не исследовано сохранившееся письменное наследие ее представителей. Судьба этих видных деятелей петровской эпохи была большей частью трагична: большинство из них к концу жизни были отвержены обществом, выброшены на обочину истории, многие отправлены в заключение и в ссылку. Однако сохранившиеся в архивах следственные дела деятелей консервативного лагеря, а также редкие рукописные копии их сочинений донесли до нашего времени интереснейшие памятники публицистики (многие из которых до сих пор не изданы), свидетельствующие о верности этих церковных оппозиционеров, несмотря на беспрецедентные гонения аннинского безвременья, отечественным традициям и преданиям.

Бывшего архимандрита Новгородского Юрьева монастыря Маркелла Радышевского (†1742) и бывшего директора Санктпетербургской типографии Михаила Петровича Аврамова (1681–1752) судьба впервые тесно свела в 1730 г. в московском Симоновом монастыре, где после пяти лет противостояния архиепископу Новгородскому Феофану Прокоповичу томился в заключении старец Маркелл, а Аврамов навещал знаменитого узника и вел с ним длительные духовные беседы (подробнее см.: [5; 7]).

Вызванный по инициативе Феофилакта Лопатинского из Киевской Духовной Академии в Москву для организации духовного просвещения в России, Маркелл вначале был учителем в Славяно-греко-латинской академии. Вскоре, около 1718 г., он был переведен во флот и служил сначала на корабле ревельской эскадры «Уриил», а с 1720 г. стал иеромонахом флота на острове Котлин (Кронштадт), а затем в Риге. Дальнейшим возвышением Радышевский был обязан своему бывшему земляку и коллеге по Киевской академии архиепископу Псковскому Феофану Прокоповичу, благодаря которому он был назначен в 1724 г. архимандритом сначала Псково-Печерского, а затем в 1725 г. Новгородского Юрьевского монастыря. Но с 1726 г. в отношениях бывших приятелей происходит крутой перелом, и из друзей они с Феофаном Прокоповичем превратились в злейших врагов, причем Феофану, в силу его высокого положения при дворе, принадлежала роль обвинителя и преследователя, а Радышевскому — обвиняемого и узника. Взаимные обвинения их сразу перешли в сферу политическую (со стороны Феофана) и вероисповедную (со стороны Радышевского). Маркелл подал в Преображенскую канцелярию 49 обличительных пунктов против Феофана, в которых перечислял многочисленные богословские и противоцерковные ереси Феофана [4], а тот, в свою очередь, написал опровержение на эти пункты, обвинив их автора в невежестве, клевете, а также в бывших некогда конфликтах с Петром I¹. Феофан впоследствии не гнушался и физическими методами расправы над своим бывшим приятелем и коллегой.

В личности и в мировоззрении Радышевского в это время происходит существенный перелом. В 1720-х гг. это был молодой, энергичный иеромонах, стремившийся к ревностному исполнению всех распоряжений Св. Синода, регулярно сообщавший в Синод о всех нарушениях и злоупотреблениях на местах. Но со второй половины 1720-х гг., вступив в конфликт с Феофаном Прокоповичем, он становится духовным оппозиционером и на протяжении всех последующих лет (за исключением последних 1741–1742 гг.), является узником, томившимся в заключении или проживавшим под караулом в различных монастырях. Со второй половины 1720-х гг. отношение Радышевского к Св. Синоду и его политике также резко меняется. Из ревностного исполнителя указов Синода он превращается в их критика. С этого года неуклонно нарастает обличительный пафос сочинений Радышевского, нацеленных не только на разоблачение архиепископа Новгородского Феофана, но и на резкую критику всей проводимой Синодом церковной политики, а также критический разбор еретических изданий Александро-Невского монастыря, автором или переводчиком которых являлись как сам Феофан, так и его единомышленник Гавриил (Бужинский).

Михаил Аврамов в своем развитии претерпел сходную с Радышевским эволюцию. Биография его достаточно хорошо изучена в исторической литературе (см.: [11; 15; 17; 12; 8; 14; 6; 7]). Судьба его была типичной для того времени судьбой разночинца, выдвинувшегося благодаря личным заслугам в круг приближенных к царю лиц. Сын

¹ Дело об архимандрите Маркеле Радышевском, обвинявшем Феофана Прокоповича в неправомерности, о переводе книги патера Рибейры, о противниках Прокоповича... // РГАДА. Ф. VII. Оп. I. №. 221. Ч. 7. Л. 116–131.

священника, он начал свою службу Государю уже с 10 лет, когда был зачислен подьячим в Посольский приказ. В 1698 г. он участвовал в подавлении восстания стрельцов. В 1699 г. вошел в состав посольства А. А. Матвеева в Гааге в качестве секретаря и три года обучался типографским наукам в Амстердаме. По возвращении в Россию в 1702 г. стал дьяком Оружейной палаты. В августе 1710 г. получил распоряжение Петра I переехать в Петербург для создания там Оружейной канцелярии, а в 1711 г. ему было поручено организовать Петербургскую правительственную типографию, первым директором которой он и был назначен. Он был одним из образованнейших людей своего времени: знал латинский и польский языки, обладал поэтическим даром. В 1712 г. были изданы написанные Аврамовым приветственные стихи Петру I после окончания Прутского похода [8, с. 270]. Аврамов редактировал петровские «Ведомости», был инициатором подготовки истории правления Петра I, издания «Книги Марсовой». Пост цейхдиректора типографии он занимал до 1721 г. После передачи типографии в ведение Синода с 1721 по 1724 гг. Аврамов служил в Берг-коллегии. С декабря 1724 по 1727 г. он опять был назначен директором типографии, которая была окончательно упразднена в 1727 г., в связи с учреждением типографий при Сенате и Академии. С 1720-х гг. Аврамов подавал правительству свои мнения и экономические проекты. По свидетельству самого Аврамова, он подавал какие-то доношения и предложения уже Петру I: «Как был он Аврамов в типографии директором, то к похвале Его Императорскому Величеству и прочее надлежащее к тому он Аврамов писывал и Его Императорскому Величеству подавал, и Его де Величество изволил принимать у него милостивно»². Статский советник Аврамов принадлежал к высшему кругу придворной знати петровского времени. Он хорошо знал и Феодосия Яновского и Феофана Прокоповича и других крупнейших церковных иерархов того времени, отличавшихся еретичеством и иконоборчеством. Еще при жизни Петра I Аврамов имел столкновения с «законопреступниками» «Феофаном, Гаврилой» и «ересиархом Феодосом». Так, когда новгородский архиепископ Феодосий снял и присвоил себе оклад с чудотворной иконы Казанской Божией Матери в приходской церкви Аврамова в Петербурге, Аврамов подал челобитную Петру I с обличением еретиков-иконоборцев Феодосия, Феофана и Гавриила (Бужинского) [6, с. 398]³.

Оставшись в 1727 г. не у дел, Аврамов выходит в отставку и переезжает в Москву. Там он около 1730 г. сближается с опальным Радышевским и принимает горячее участие в его судьбе. Симоновский эконоим иеродиакон Серафим на допросе свидетельствовал, что Аврамов приезжал к Радышевскому «в каждую неделю по два и по три, иногда же и в один день дважды, и сиживал у него часа по два и по три» [15, с. 21]. Аврамов видел в Радышевском безвинного страдальца за веру и искал способ его освободить. Он решил действовать через хорошо знакомого ему архимандрита Троицкого монастыря Варлаама Высоцкого, духовника императрицы Анны Иоанновны и других высокопоставленных лиц. Варлаам, тайный оппозиционер, обнадеживал Аврамова заступничеством перед императрицей и через него поощрял Маркелла писать обширные полемические сочинения против Феофана с тем, чтобы подать их вместе с челобитной императрице Анне Иоанновне. Наивные ревнители благочестия надеялись на то, что императрица, узнав о еретических взглядах Феофана, вынесет новый, справедливый приговор в пользу Радышевского и освободит Маркелла из-под стражи.

² РГАДА. Ф. VII. № 221. Оп. I. Ч. 10. Л. 254 об.

³ Далее текст «Челобитной» Аврамова цит. по: [6] («Приложение. Челобитная М. Аврамова 21 ноября 1749 г.», с. 383–408) с указанием страниц издания в тексте в круглых скобках.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. 5 марта 1731 г. оба друга были арестованы: Маркелл за составление, Аврамов — за чтение и распространение сатирического «Жития еретика Феофана, архиепископа Новгородского», в котором подробно, по пунктам перечислялись «ереси» Прокоповича и его «противности» православной церкви. Арест друзей произошел вскоре после того, как одна из копий «Жития» попала в руки самого Феофана. В ходе следствия были обнаружены и приобщены к делу и другие полемические сочинения Радышевского, написанные им в 1730 г. в Симоновом монастыре: Возражение на Духовный Регламент, тетради о монашестве с критикой указа 1724 г. о монашестве, письмо Сорбонским богословам, возражение на книгу Феофана 1722 г. о евангельских блаженствах. Приговор Радышевскому и Аврамову был вынесен 6 января 1732 г. Радышевского приговорили к ссылке в Кирилло-Белозерский монастырь, Аврамова — в Иверский. В 1732 г. открылось еще новое следствие по делу о подметных письмах («Решиловское дело»), в котором вина Аврамова не была доказана. Однако позднее, в 1738 г. в Тайной канцелярии состоялся новый приговор Аврамову. На этот раз ему ставилось в вину разглашение им обстоятельств его дела на исповеди в Иверском монастыре и отправление писем родным и знакомым, что было строжайше запрещено. За эти прегрешения Аврамов был отправлен сначала в Охотский острог, а в 1740 г. еще дальше, в Якутск [подробнее см. 14]. В марте 1741 г., после смерти императрицы Анны Иоанновны, Аврамов был освобожден и возвращен в Петербург. Чуть раньше, в январе 1741 г., был реабилитирован и Маркелл Радышевский, который через год, незадолго до своей смерти, 10 января 1742 г. был возведен в сан епископа Карельского и Ладожского.

Таким образом, Аврамов не просто сочувствовал узнику Маркеллу и разделял взгляды Радышевского на бедственное состояние русской церкви и общества в послепетровскую эпоху, он в итоге разделил с ним и судьбу. Их жизненные пути пересеклись в 1730 г. и с этого момента они шли параллельно. Десятилетие, проведенное Аврамовым в заключении и ссылке, не заставило его пожалеть том, что по вине Радышевского он оказался вовлечен в следственное дело и осужден. Напротив, для него годы ссылки стали проверкой его убеждений на прочность, возможностью подвигом собственной жизни подтвердить свою веру. И вдохновил его на это именно Радышевский. Позже, уже после своего освобождения, в «Челобитной» 1749 г.⁴, адресованной императрице Елизавете Петровне, Аврамов так оценивал этот тяжелый период своей жизни: «А при державе Государыни Императрицы Анны Иоанновны за сущую Божию правду и за целость Святыя Соборныя кафелическия и апостолския Церкви восточныя, всего ея Святаго разума и **тяжкой десятилетней многой труд и страдание, с помощью всемогущаго моего Бога понес и верно снес...**» (с. 399). Аврамов с гордостью пишет о десятилетнем «труде и страдании», понесенном и «верно снесенном» им за «сущую Божию правду». Это перекликается со словами Маркелла Радышевского, написанными им еще в 1728 г. в доношении императору Петру II, в которых он раскрывал свое жизненное кредо: «Буде кто дерзнет веру превращать, еще же самую сущую кафелическую и испровергать, то всяк должен под совестью охранять оную, как сущое свое прямое добро, и поборствовать по ней, яко по сущой правде, не бояся ни изгнания, ни смерти, хотя самой лютейшой и горчайшой»⁵. Радышевский также подтвердил свои убеждения подвигом страдания и тяжкого изгнания.

⁴ Дело о статском советнике Михаиле Аврамове, возвращенном из ссылки и потом вновь сужденном за представление императрице Елизавете проектов о гражданском и духовном управлениях // РГАДА. Ф. VII. Оп. I. № 770. Ч. 3. Л. 164 об. – 252 об.

⁵ РГАДА. Ф. VII, Оп. I, № 221. Ч. 9. Л. 437.

Спустя несколько лет после возвращения из ссылки, в 1749 г., Михаил Аврамов составил объемную «Челобитную», адресованную императрице Елизавете Петровне, в которой описал историю своей жизни при Петре I, а также много места уделил критике церковных еретиков, указов Святейшего Синода и призывал вернуть патриаршество на Руси. Там же он излагал ряд своих утопических социально-экономических проектов. Текст этой челобитной сохранился в архиве Тайной канцелярии⁶. В тексте этой челобитной были усмотрены крамольные идеи и неуважение к лицу императрицы Елизаветы Петровны, за что Аврамов вновь был привлечен к следствию и провел в Тайной канцелярии более трех лет (1749–1752). Следственное дело было закрыто лишь со смертью узника в 1752 г.

Для историков и литературоведов особую ценность представляет автобиография Аврамова, написанная им около 1744 г. и включенная в состав «Челобитной»⁷. Помимо того, что воспоминания Аврамова являются одним из интереснейших неизвестных источников по истории петровского времени, это еще и один из наиболее ранних памятников русской автобиографической прозы XVIII в. Из более ранних литературных аналогов подобного жанра можно назвать лишь «Житие протопopa Аввакума» и «Дневные записки» свт. Димитрия Ростовского. Особенность воспоминаний Аврамова состоит в том, что они написаны человеком Нового времени, ровесником и соратником Петра I, воспитанным в духе петровских реформ, в условиях обмирщения всех сторон общественной жизни и слома традиционного уклада русского общества. В то же время в текст реальной и достоверной автобиографии автором включено описание множества эпизодов чудес и видений, свидетельствующих о том, что автор находился под сильным влиянием средневековой житийной литературной традиции.

В автобиографии кратко описана внешняя канва биографии Аврамова: начало его службы царю в Посольском приказе, поездка в Амстердам в составе посольства А. А. Матвеева, затем переезд в Петербург и организация там первой типографии, выполнение различных поручений царя. Однако главное внимание автором уделяется не столько событиям его внешней жизни, сколько внутренней жизни души: истории его греховного падения, покаяния и воскрешения к новой жизни. Жанр этой автобиографической прозы Аврамова можно определить как литературную исповедь, выстроенную в традициях православного жития. Охарактеризуем кратко основные этапы духовной биографии нашего героя, — такими, какими они предстают в его собственной интерпретации.

Благочестивое детство и юность

Аврамов происходил из священнической семьи, обучался грамоте при церкви и с детства был воспитан «в страхе Божии», в благочестии и «смирennemудрии». С десяти лет для «наилучшего гражданского обучения» был пристроен в Посольский приказ и за свое образцовое поведение и прилежание в восемнадцать лет был избран для отправления посольских дел при русском поселе в Голландии А. А. Матвееве. За границей продолжал прилежно трудиться и упражнялся в рисовании и «живописном художестве», за что даже заслужил похвалу от местных жителей и был отмечен в местных печатных «курантах». Вернувшись через три года в Россию, получил награду и жалованье лично от Петра I, с которым впервые познакомился в Архангельске.

В 1712 г. (эту дату указывает сам автор) по именному указу Петра Аврамов переезжает в Петербург с оружейной палатой и мастеровыми людьми и назначается дирек-

⁶ РГАДА. Ф. VII. Оп. I. № 770. Ч. 1-13.

⁷ См. прим. 4.

тором этой палаты, а вскоре получает указ организовать в Петербурге правительственную типографию, что и было им исполнено. Уже в скором времени за свои «усердные службы» и «прилежные труды» он был «возлюблен и допущен до его монаршей таковой милости» и пожалован от царя домом, в котором часто устраивал пиры и в котором неоднократно принимал самого Государя с Государыней. По свидетельству Аврамова, он полностью посвятил свою жизнь службе царю: был инициатором создания полной истории жизни и подвигов Петра I, более шести лет трудился над составлением «Марсовой книги», собирая отовсюду известия о победах русского оружия в Северной войне, планы сражений, изображения завоеванных городов и т. д.

Греховное падение

Однако тот период, когда Аврамов был в крайней любви и милости у государя, в духовном плане был периодом утраты им «смиренномудренного и воздержного» жития, увлечения «небрежным и роскошным житием», приобретения греховных привычек сластолюбия и блуда. Характерно, что «сатанинское искушение», по признанию самого автора, пришло к нему через увлечение его новопереведенными языческими «книжичищами» Овидия и Вергилия, которые он «читал денно и ночно с прилежанием и с охотою, и чтанием их оных обезумився, выхвалял те книжичища его императорскому величеству» (с. 385). Выпросив у Петра указ о напечатании этих книг, Аврамов издал одну из них, содержащую изображения языческих богов с краткими подписями. Это было издание «Овидиевы фигуры. В 226 изображениях» (Петербург, 1722) — перевод книги, изданной И. У. Краусом. Изданием этой книги Аврамов, как он сам отмечал, особенно угодил мирским людям, среди которых прослыл умным человеком, и он, возгордясь «от таковой человеческой тщетной славы», вскоре «потерял от Бога дарованное смиренномудрое житие» (с. 386). Он все больше погружался в бездну греха: «И оттоле совершенно уже начал жить языческих обычаев погибельное, пространное и широкое, славолубное и сластолюбное житие, и тако, забыв страх Божий, впал во всякия телесныя прелестныя непотребныя мира сего непрестанныя роскошныя дела и забавы, в пьянство, а от пьянства в ненасытной блуд и многое прелюбодейство и в протчие безумные дела и злодейства» (с. 386). Аврамов отмечает, что в то время в церкви бывал «токмо телесне, ради виду, а не духовне», будучи погружен в нечестие, «подавлен тернием богатства и кичением славолубия и сластолюбия».

Покаяние и обращение к Богу

И все же в этот период автор не был до конца оставлен Богом: воспоминания о его прошлой, некогда воздержанной христианской жизни еще были живы в душе Аврамова и послужили основой его глубокого покаяния. «И таковым помыслом некогда совершенно умилился и опомняся, прибегл тогда с молителными горькими слезами пред отческой, благословенной, от родителя моего чудотворной образ Пречистыя Божия Матери, имянуемой Знамения, стоящей тогда в доме моем. И егда <...> пред оным образом совершенно из глубины сердечной сокрушился, тогда и спасающая благодать Христова совершенно коснулася заблуждующему, окамененному моему сердцу. С сущим бо уже покаянием излив пред оным образом, с сокрушением сердечным слез моих реки, и того же часу прибег ко отцу моему духовному, и потому же с сущим покаянием и с сокрушением сердечным чисто очистил исповеданием окаянную мою совесть. И получа епитимию, до приходящаго поста, с помощью Божию, снес оную совершенно и в наставшей пост сподоблен причащения тела и крове Христовы. И оттоле милостию Божиею паки начат жити прежним, смиренномудрым житием, прово-

ждая время дней жития моего, присно поучаяся жити смиренномудро, во страхе Божии, по преданию и уставом святых соборных кафедральных и апостольских церквей восточных, во всяком воздержании, борясь денно и ночно с плотью, с миром и с сатаною, и силно с помощию Божиею, прилежною молитвою, и постом льстиваго сатану и всего страсти и прелестнаго мира сего сласти опровергая до конца, положи тогда во уме моем твердое намерение оставить мир и всю его суету и маловременную прелестную красоту» (с. 386–387).

Тайное христианство

Из крайности греха и бездны разврата автор обращается в другую крайность: стремясь умертвить свою плоть, накладывает на себя строгий пост, носит под одеждой «тяжкую и острую» власяницу, предается непрестанной молитве. Этот период в жизни Аврамова можно назвать периодом «тайного христианства»: он еще не готов полностью порвать связь с миром и перемену своей жизни окружающим его людям объясняет вымышленной «чахотной» болезнью, тем более что никто из них, даже сам Государь, не осознавал глубины произошедшей с Аврамовым перемены, поскольку тот еще усерднее трудился в возложенных на него служебных делах и со всеми сохранял дружеское обхождение. Аврамов перечисляет также многочисленные нападения от «бесов», которые претерпел в тот период жизни.

К периоду «тайного христианства» Аврамова относится и история с напечатанием в Санктпетербургской типографии книги Хр. Гюйгенса «Книга мирозрения, или мнение о небезземных глобусах и их украшениях» [3] (СПб., 1717, второе русское издание вышло в 1724 г.), переведенной Я. Брюсом и рекомендованной им для печати самому Петру. В этой книге впервые на русском языке излагалась космологическая система Коперника, а также проводилась идея о множественности миров, что было воспринято Аврамовым как ересь, противоречащая Священному Писанию и библейской истории творения мира. Биограф обвинял автора книги в хуле на Святого Духа, в поношении Самого Спасителя, подчеркивая, что он Творца и Создателя мира подменил понятием бездушной «природы» или «натуры» и утвердил ее вечность, вопреки христианскому учению о конце мира и о Страшном суде. Аврамов отмечал, что имя Бога упоминалось автором лишь формально, по сути же вместо Бога восхвалялась «натура», что и давало ему повод обвинить автора в атеизме. Книгу Гюйгенса хвалил Петру I ее переводчик Яков Брюс и перед самым отъездом Петра в Голландию в 1716 г. просил царя напечатать ее. Петр, не успев прочитать книгу, передал ее Аврамову и повелел печатать тиражом в 1200 экземпляров. Директор петербургской типографии впервые оказался перед непростым выбором: христианская совесть требовала уничтожить богохульную атеистическую книгу, указ же царя повелевал ее печатать: «И прочет и размотря оную книжичищу, вострепетав сердцем и ужаснувся духом, с горких слез рыданием пал пред образом Богоматери с предвечным, держимым на руках ея младенцем Господем нашим Иисус Христом, бояся печатать и не печатать» (с. 388–389). В результате тяжелой внутренней борьбы было принято компромиссное решение напечатать книгу, но малым тиражом: «Но по милости Иисус Христове, <...> скоро положилося в сердце моем для явнаго обличения тех сумозбродов — безбожников, явных богоборцев, напечатать под крепким моим присмотром, вместо тысячи двухсот книг, токмо тритцать книг, и оныя запечатав, спрятал до прибытия Государева» (с. 389).

Дальнейшее повествование о происходивших с биографом чудесных событиях ведется Аврамовым в третьем лице с отсылкой к житию св. апостола Павла.

«Восхищение на небеса»

Св. апостол Павел, описывая во втором Послании к Коринфянам откровение, бывшее ему от Бога, когда он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать, по своему смирению, боясь людской хвалы, написал это видение некоему знакомому ему человеку: «Вем человека, о Христе прежде лет четырнадцати [аще в теле не вем, аще кроме тела, не вем, Бог весть] восхищена бывша такова до третияго небесе» (2 Кор. 12: 2). Аврамов, описывая бывшее ему видение, прибегает к подобному же приему, опасаясь, что людская похвала может нанести вред его душе. Подобно ап. Павлу, он решается рассказать о видении, приписывая его некоему своему знакомому и надеясь, что оно будет полезно людям в эпоху «изнеможения и поколебания многих в православной вере», «наипаче ж ради явных богоборцев, безумных атеистов и ради законопреступников, злых еретиков»: «Вем такова человека прежде двадцати семи лет, <...> которой после полудня, в сидение его з домашними за столом, внезапно стал быть во изступлении и в глубочайшем богомыслии» (с. 390). Аврамов отмечает, что описываемое событие произошло 27 лет назад, вскоре после того, как была напечатана «богопротивная, богомерзкая и атеистическая книжичища» Гюйгенса. В то время автор находился в состоянии великого страха, печали и сокрушения, осознавая, вероятно, свою вину пред Богом в распространении еретического учения: «К тому же вселилась в мое печальное тогда ж сердце о явившихся и явно пред тем возникших из Росийскаго народа о лжеучителях, о законопреступниках иконоборцах еретиках, о Дмитрее Тверитинове⁸ с товарищи, такожде многая и острая сердцу моему печаль, сожаление и сокрушение» (с. 390). Ныне к этому еретическому сонму мог быть с полным основанием причислен и сам директор петербургской типографии. И далее автор описывает, как однажды, сидя дома за столом со своими близкими, внезапно пришел в некое «исступление», а в сердце его вселился дух, похожий на пламенный огонь, после чего он был якобы восхищен на небеса и стал созерцателем некоего видения. Картина, подробно, в деталях описанная автором, являла собой апокалипсическую битву ангелов во главе с Архангелом Михаилом с легионом страшных «ефиопов», возглавляемых не менее страшным исполином или Гигантом, которая завершилась победой ангелов над силами Сатаны и наступлением на небе молчания, мира и тишины. Картина битвы ангельского и сатанинского воинств, красочно описанная автором, могла быть навеяна текстами Апокалипсиса (Откр. 12: 7–12) и Жития Андрея Юродивого. В контексте автобиографии Аврамова эта битва символизировала борьбу православно-го благочестия на Руси с атеизмом и победу православной веры над еретичеством.

Болезнь души и тела. Искушение иконоборчеством

Чудесное исцеление

После того, как видение исчезло, человек (т. е. сам рассказчик) около двух месяцев лежал на постели расслабленный, без сна и пищи. Размышляя об атеистической книге, об иконоборцах и «о протчих лукавых, злых человеках и богоотступниках и законопреступниках еретиках», этот человек впал в такую глубокую печаль и уныние, что еретические иконоборческие помыслы внезапно овладели и его душой: «И изо всего того родилось в верном его сердце о чудотворных святых образах безверие и самые усумнительные вкоренились помыслы» (с. 392). Однажды в полночь, охваченный невы-

⁸ Настоящее имя — Дмитрий Евдокимович Дерюшкин (1667–1741) — лекарь, московский еретик, иконоборец, основатель религиозного кружка разночинцев Немецкой слободы, близкого к лютеранству. В 1713 г. был арестован по распоряжению митр. Стефана Яворского; по указу Петра I, был оправдан и освобожден в 1718 г.

разимой «тугой и печалью», рассказчик обратился с молитвой к иконе Спасителя и увидел чудесное видение: тонкое облачное испарение, расходящееся от иконы, а затем светозарные, блистающие, как на Фаворе, лучи света, исходящие от лика Спасителя. «И по таком божественном откровении горящим любви пламенем ко всем чудотворным образам возгорелось онаго человека Богом благословенное, Богом просвещенное, Богом умудренное чистое его сердце» (с. 393). На следующий день чудесное видение — светлое сияние, которое удостоился видеть лишь рассказчик и не видели его домашние — повторилось и от чудотворной иконы Знамения Божьей Матери во время водосвятного молебна в доме Аврамова. После этих чудесных знамений от икон больной выздоровел, проспал шесть часов и наутро, совершенно здоровый, пошел в церковь, а затем и к отпращиванию своих обычных служебных должностей. Так чудесные знамения от икон и чудесное исцеление укрепили веру Аврамова в святость и чудотворность святых образов...

Завершением этой истории стало то, что по возвращении Петра I из Голландии Аврамов, взяв только что изданную книгу Гюйгенса, поднес ее Государю с объяснением, что «оная книжичица самая богопротивная, богомерзкая, атеитическая, прелестная», «поднесена его императорскому величеству под покрывалом Божиюго имени от самых лукавых безбожных безумных атеистов», и «такое <...> единому скорому угодна в трубе сожжению» (с. 394). Рассмотрев книгу, Петр I не велел публиковать ее, но приказал отпечатанные экземпляры отдать Брюсу для отсылки в Голландию. «И тако тогда с помощью Божиею наущением коварнаго сатаны чрез угодников его введенное уже бывшее их коварство и прелестное, безумное лжеучение исчезло и погибло» (с. 395), — заключает рассказчик.

Мы подробно пересказали событийную канву автобиографии нашего героя, чтобы продемонстрировать, как тесно переплетаются в этом повествовании реалистическая традиция достоверной передачи исторических фактов и средневековая традиция чудесного, характерная для житийной литературы. Автобиография героя построена по сути дела по законам житийного жанра: герой в своей духовной эволюции проходит различные этапы испытаний, духовных подвигов и благодатной помощи свыше: первоначальная благодать веры, полученная еще в детстве, сменяется отпадением от веры, грехопадением, погружением в греховную жизнь петербургского света. Покаявшись, герой предпринимает духовный подвиг ради искупления греха и сподобляется сверхъестественного видения — откровения свыше — для укрепления в вере. Он проходит искушение ересью иконоборчества, широко распространенного в петровское время, которое сопровождается телесной и духовной болезнью, однако удостоивается и благодатной помощи свыше в виде чудесных знамений и последующего чудесного исцеления... Последний этап его духовной эволюции можно назвать выходом на общественную проповедь, на общественное служение — здесь мы имеем ввиду, прежде всего, попытки Аврамова вразумить царя, раскрыть ему пагубность атеистических и иконоборческих идей, не допустить их распространения.

Каждому «житийному» элементу повествования Аврамова можно найти множество параллелей в средневековой литературе и искусстве. Так, сюжет борьбы ангелов с падшими духами — бесами, идущий из текста книги Апокалипсис, — один из наиболее распространенных в средневековой традиции. Эта битва запечатлена, в частности, в иконографии Воскресения (сошествия во ад) Спасителя. Сражение с черным эфиопом также составляет один из ярких эпизодов популярного на Руси жития св. Андрея Юродивого. Не менее популярен в житиях и сюжет о видениях от чудотворных икон

и чудесных исцелений от них... Интересно и обращение автора к евангельскому эпизоду из жития св. ап. Павла как к модели для описания коренного духовного перелома, произошедшего в его собственной жизни.

Однако оригинальность и своеобразие автобиографии Аврамова состоит не только в описании самих чудес, а в том, в какой художественный контекст они помещены. Борьба героя с падшими духами носит не вневременной, универсальный характер, как в большинстве произведений житийной литературы, но имеет конкретную историческую привязку и реальную поддержку, целит в конкретных адресатов. В данном случае носителями мирового сатанинского зла выступают для рассказчика еретики, атеисты и иконоборцы Нового времени — те, которых принято причислять к деятелям Просвещения: Х. Гюйгенс (а также Б. Фонтенель с его книгой «Разговоры множестве миров», которая в переводе А. Кантемира, была издана в России в 1740 г.), Дмитрий Тверитинов, Яков Брюс, Феофан Прокопович, Феодосий Яновский, Гавриил Бужинский, Феофил Кролик и др. (Отметим, что с резкой критикой многих из перечисленных деятелей выступал в своих публицистических трудах и Маркелл Радышевский). Оригинальность ситуации состояла, однако, в том, что и сам автор биографии-жития, М. Аврамов, организатор и директор первой светской типографии в России, правая рука Петра I, внес немалый вклад в развитие раннего русского Просвещения и ставил это себе в немалую заслугу... Автобиография Аврамова со всей очевидностью вскрывает двойственность и неоднозначность человека петровского времени: зачастую под маской деятеля Просвещения, европейски образованного человека скрывался глубокий консерватор, ревнитель православного благочестия, человек, приверженный традиционным религиозным ценностям. На примере жития-исповеди Аврамова мы видим, что конфликт ценностей: желания верой и правдой служить царю и Отечеству и стремления сохранить чистоту отеческой веры — проходил буквально по сердцу человека петровского времени, приобретал глубоко трагический характер. В уникальной автобиографии М. Аврамова этот основной внутренний конфликт представителя образованной части общества был описан с исповедальной искренностью и прямоотой. Что же касается Радышевского, то резкая критика им Духовного Регламента, изданий синодальной печати и петровского указа о монашестве никогда не касалась личности самого царя-реформатора, который, как искренне считал Радышевский, доверился еретикам и был введен в заблуждение священноначалием, завладевшим управлением Синода (Феодосием Яновским, Феофаном Прокоповичем, Гавриилом Бужинским и др.). Фигура царя-реформатора была неприкасаемой для критики — в этом состояла одна из характерных особенностей консервативной общественной мысли эпохи раннего русского Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Вопросы истории консерватизма. Альманах. 2015. № 1. 416 с.
- 2 Гросул В. Я. Зарождение русского политического консерватизма // Вестник РГНФ. 1997. № 1. С. 21–33.
- 3 Гюйгенс Х. Книга мирозрения, или мнение о небесноземных глобусах и их украшениях. СПб.: Санкт-Петербургская тип., 1717. 8, 267 с. 5 л.
- 4 Дело о Феофане Прокоповиче // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: В университетской тип., 1862. Кн. I. Отд. II. С. 45–49.
- 5 Крашенинникова О. А. Духовный писатель XVIII в. Маркелл Радышевский (+1742). Материалы к биографии // Актуальные вопросы изучения светской и духовной словесности. М.: У Никитских ворот, 2017. С. 5–22.

- 6 *Крашенинникова О. А.* Критика Феофана Прокоповича и «Духовного Регламента» в современной ему публицистике // Очерки истории русской публицистики XVIII в. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 342–408.
- 7 *Крашенинникова О. А.* Подметное письмо 1732 г. и его предполагаемый автор // Очерки истории русской публицистики XVIII в. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 409–470.
- 8 *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. С. 243–253.
- 9 *Мамонов В. Ф.* К вопросу о зарождении консерватизма в России // Российский консерватизм: теория и практика. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 1999. С. 3–25.
- 10 *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2011. 560 с.
- 11 *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1862. Т. 1. С. 498–514.
- 12 *Пытин А. Н.* История русской литературы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. Т. 3. С. 354–359.
- 13 Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросул. М.: Прогресс-традиция, 2000. 439 с.
- 14 *Серов Д. О.* Строители империи. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. С. 69–98.
- 15 *Чистович И. А.* Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский: Материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб.: Тип. духов. журн. «Странник», 1861. 64, 31 с.
- 16 *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб.: Изд-во Императорской АН, 1868. С. 260–270, 297–301, 307–309.
- 17 *Шишкин И.* Михаил Аврамов, один из противников реформы Петра Великого // Невский сборник. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1867. Т. I. С. 375–429.

© 2019. Olga A. Krashennnikova
Moscow, Russia

**RADYSHEVSKY AND AVRAMOV:
ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN CHURCH OPPOSITION
IN THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY**

Acknowledgements: The paper is carried out within the project “Literary Heritage of Markell Radyshevsky: Investigations and Texts” № 17-04-50044 with financial support of RFFI.

Abstract: According to the author the emergence of a conservative trend in Russian public life dates back to the first quarter of the 18th century, to the era of the early Russian Enlightenment, period of Peter's reforms, as well as to the subsequent decade after his reign. However, until now the representatives of the Russian ecclesiastical opposition of the first half of the 18th century: S. Jaworski, F. Lopatinsky, M. Radyshevsky, M. Avramov — were not considered in our historical science as a integral party. The second half of the 1720s growing accusatory pathos of M. Radyshevsky, Archimandrite († 1742), the Church publicist and opposition figure, aimed not only at exposing

Theophan Prokopovich, the Archbishop of Novgorod, but also to the sharp criticism of the Synod and its Church policy. A similar evolution has undergone Radyshevsky's companion M. P. Avramov (1681–1752), a former associate of Peter I, the first Director of the St. Petersburg printing house, one of the most educated men of Peter's time. Spiritual evolution of Avramov from scientist and enlightener to a clerical conservative traditionalist was reflected in his autobiography written about 1744. In this essay tradition of the realistic rendering of historical facts and medieval tradition of the miraculous, characteristic of hagiographic literature, closely intertwined. Literary autobiography of the hero was written according to the canons of the hagiographic genre. The Autobiography of Avramov clearly displays the duality and ambiguity of man in Peter's time, when a conservative and adherent of the Orthodox piety often hid deep under the guise of enlightener and European-educated man.

Keywords: M. Radyshevsky, M. Avramov, church writers and publicists of the 18th cent., the 18th cent. Russian conservatism, church opposition against the Peter's the I reforms, autobiography, literary confession.

Information about author: Olga A. Krasheninnikova — PhD in Philology, Senior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaia St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: info@imli

Received: September 11, 2018

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Krasheninnikova O. A. Radyshevsky and Avramov: on the history of the Russian church opposition in the first half of the 18th century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 34–47. (In Russian)

REFERENCES

- 1 *Voprosy istorii konservatizma. Al'manakh*, 2015, no 1. 416 p. (In Russian)
- 2 Grosul V. Ia. Zarozhdenie russkogo politicheskogo konservatizma [The origin of Russian political conservatism]. *Vestnik RGNF*, 1997, no 1, pp. 21–33. (In Russian)
- 3 Giuigens Kh. *Kniga mirozreniia, ili mnenie o nebesnozemnykh globusakh i ikh ukrasheniiax* [The origin of Russian political conservatism]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaia tipografiia Publ., 1717. 8, 267 p. 5 l. (In Russian)
- 4 Delo o Feofane Prokopoviche [The case of Theophan Prokopovich]. *Chteniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in the Imperial society of history and Russian antiquities at Moscow University]. Moscow, V universitetskoii tipografii Publ., 1862, book I, department II, pp. 45–49. (In Russian)
- 5 Krasheninnikova O. A. Dukhovnyi pisatel' XVIII v. Markell Radyshevskii (+1742). Materialy k biografii [Spiritual writer of the 18th century. Markell Radyshevsky (+1742). Materials to biography]. *Aktual'nye voprosy izucheniia svetskoi i dukhovnoi slovesnosti* [Topical issues of studying of secular and spiritual literature]. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ., 2017, pp. 5–22. (In Russian)
- 6 Krasheninnikova O. A. Kritika Feofana Prokopovicha i "Dukhovnogo Reglamenta" v sovremennoi emu publitsistike [Criticism of Theophan Prokopovich and "Spiritual Regulations" in contemporary journalism]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki XVIII v.* [Essays on history of Russian journalism 18 c.] Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 342–408. (In Russian)

- 7 Krasheninnikova O. A. Podmetnoe pis'mo 1732 g. i ego predpolagaemyi avtor [The planted letter of 1732 and its alleged author]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki XVIII v.* [Essays on the history of Russian journalism of the 18th century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 409–470. (In Russian)
- 8 Lotman Iu. M. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: the Life and traditions of Russian nobility (18 – beginning of 19th century)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1994, pp. 243–253. (In Russian)
- 9 Mamonov V. F. K voprosu o zarozhdenii konservatizma v Rossii [On the origin of conservatism in Russia]. *Rossiiskii konservatizm: teoriia i praktika* [Russian conservatism: theory and practice]. Cheliabinsk, Izdatel'stvo ChGPU Publ., 1999, pp. 3–25. (In Russian)
- 10 Minakov A. Iu. *Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX veka* [Russian conservatism in the first quarter of the 19th century]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU Publ., 2011. 560 p. (In Russian)
- 11 Pekarskii P. P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and literature in Russia under Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia pol'za” Publ., 1862, vol. 1, pp. 498–514. (In Russian)
- 12 Pypin A. N. *Istoriia russkoi literatury* [History of Russian literature]. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha Publ., 1907, vol. 3, pp. 354–359. (In Russian)
- 13 *Russkii konservatizm XIX stoletii: Ideologiya i praktika* [Russian conservatism of the 19th century: Ideology and practice], edited by V. Ia. Grosul. Moscow, Progress-traditsiia Publ., 2000. 439 p. (In Russian)
- 14 Serov D. O. *Stroiteli imperii* [Empire builders]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGU Publ., 1996, pp. 69–98. (In Russian)
- 15 Chistovich I. A. *Reshilovskoe delo: Feofan Prokopovich i Feofilakt Lopatinskii: Materialy dlia istorii pervoi poloviny XVIII stoletii* [Reshilov's case: Theophan Prokopovich and Theophilact Lopatinsky: Materials for the history of the first half of the 18th century]. St. Petersburg, Tipografiia dukhovnogo zhurnala “Strannik” Publ., 1861. 64, 31 p. (In Russian)
- 16 Chistovich I. A. *Feofan Prokopovich i ego vremia* [Theophan Prokopovich and his time]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoi AN Publ., 1868, pp. 260–270, 297–301, 307–309. (In Russian)
- 17 Shishkin I. Mikhail Avramov, odin iz protivnikov reformy Petra Velikogo [Michael Avramov, one of the opponents of the reform of Peter the Great]. *Nevskii sbornik* [Nevsky collection]. St. Petersburg, Tipografiia K. Vul'fa Publ., 1867, vol. I, pp. 375–429. (In Russian)